

СПЕЦНАЗ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ БОЕВИК

ДЕНИС КОЗЛОВ

СПЕЦНАЗ

**АПОСТОЛ
С ЛУБЯНКИ**

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К 59

Оформление серии *Д. Сазонова*

Козлов, Денис.

К 59 Апостол с Лубянки / Денис Козлов. — Москва : Эксмо, 2015. — 352 с.— (Спецназ).

ISBN 978-5-699-80560-0

Полковник ФСБ Трофимов расследует дело о хищении так называемой «серой кремлевской кассы». Колоссальная сумма оказалась в руках находящегося в Австрии беглого олигарха Рахимова. Для возвращения денег руководство российских спецслужб решает применить «систему Карпова» — стратегию воздействия на массовое сознание при помощи внедрения в сферы верующих нового «мессии». На роль «спасителя» полковник Трофимов предлагает Игоря Лентского — представителя «золотой молодежи», жулика и наркомана, а его «апостолом» становится лучший секретный агент ФСБ Черкасский. Но в какой-то момент тщательно продуманная операция дает сбой.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Козлов Д., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-80560-0

Часть 1

Создавая богов

Глава 1

ЧЕКИЗМ

«Никто, конечно, не знает в мире, каким образом физические ниточки в теле человека могут порождать чисто нравственные явления добра и зла: например, заставлять людей благословлять Имя Божие или страшными словами хулить это благословенное Имя. Но слово «нервы» объясняет для некоторых людей все. Им делается сразу ясной вся тайна жизни».

*Полковник Н. П. Шелковской,
начальник отдела 7-го оперативно-поискового
управления ФСБ*

Медленно и со скрипом открылся металлический лифт, который возил в своем чреве еще Иосифа Виссарионовича. По паркетному коридору управления затопали начищенные до блеска ботинки, в такт им слышались удары трости по дубу пола.

Возле кабинета с порядковым номерным ромбиком «612» обладателя начищенных ботинок настиг запыхавшийся дежурный по управлению.

— Лев Андреевич, — переводя дух, начал он. — Вам расписаться надо тут.

— А тебе зарядкой нужно заниматься, подполковник, — заглядывая в открытую уже папку с листом ознакомления, ответил Лев Андреевич. — За что расписываемся на этот раз?

Лев Андреевич, полноватый, немолодой, с сединой в окладистой купеческой бороде, падающей на идеально выглаженный кофейного цвета костюм, упершись руками в трость, не спешил брать протянутую дежурным ручку.

— За пластилин. Ну, которым двери опечатываем, — замялся дежурный.

Двери опечатывались с помощью шнура, он выкладывался в двух местах, на двери и рядом на стене, в специальные пробки, закрывался пластилином и сверху прижимался печатью.

— С чего это?

— Вчера генерал Истонин застал полковника Щеглова и капитана Воронина в момент, когда они из других дверей пластилин выковыривали. Теперь, чтобы такого не было, у каждого кабинета будет свой цвет пластилина.

— Дежурный, ты хоть знаешь, сколько оттенков цветов существует на свете? — тяжело вздохнул Лев Андреевич.

— Сколько дверей, столько и оттенков найдем. Была бы команда, — ответил тот, чуть дернув плечами.

— Логично. Но противоречит здравому смыслу. Чтоб создать 395 цветов, надо задействовать всех сотрудников Конторы.

— Надо так надо. Сделаем, Лев Андреевич, поскольку приказы мы приучены выполнять, а не обсуждать.

Дежурный — офицер неглупый, можно с ним еще немного позубоскалить, но сейчас Лев Андреевич был не расположен к этому. Поставив подпись на листе, он попросил:

— Вызовите ко мне Бетина.

В кабинете, обставленном стеклянными шкафами, полными книг в старых переплетах, пахло качественной кожей, хотя кожаными были лишь поручни на большом, словно трон, деревянном кресле, придвинутом к дубовому резному столу. Лев Андреевич, закрыв за собой дверь, прошел к скромно стоящему в углу сейфу, открыл его и, вытащив большой конверт с торчащими денежными знаками, сунул в карман пиджака.

В дверь постучали, и в проеме показался веснушчатый долговязый паренек с ярко-голубыми глазами, острым, с горбинкой, носом и черными волосами.

— Вызывали?

— Да, Коля, заходи, — кивнул Лев Андреевич и, взяв со стола трубку, начал ее раскуривать.

— Лев Андреевич, приказ же насчет курения вышел. — Бетин посмотрел через плечо в коридор и быстро прикрыл дверь. — Если кто донесет... в вашем-то положении...

— Клал я на приказ, Коля. Пусть доносят. А что за «мое положение»?

— Ну... — замялся Бетин. — Все говорят об этом. Вас «уходят», во всяком случае хотят...

— А, — вяло протянул Лев Андреевич и махнул рукой с трубкой, разбивая табачный дым. — Это давно уже длится. Я и сам хочу, чтобы меня «ушли», но пока кое-какие делишки еще держат. И личного плана, и плана нашей Конторы. Нужен я ей сегодня.

— Говорят, что вопрос по вам на самом верху решается...

— У Бога? — улыбнулся Лев Андреевич. — У него все наши вопросы решаются.

— Товарищ полковник! — Бетин подошел к столу и сел на предложенный жестом стул. — Ваше дело действительно пошло даже не к руководителю, а к президенту!

— Ты, Коля, футболку-то сменил бы, — оглядывая долговязого посетителя, улыбнулся хозяин кабинета. — Ну, куда это годится? Портрет Летова, подпись «ГР.ОБ.», символы анархии... Майор ведь уже, солиднее надо быть.

— Да клал я на солидность, Лев Андреевич. Как вы на запрет курения, — подражая манере полковника, ответил Николай.

— Тоже верно, — выпуская сизую струю дыма, усмехнулся полковник. — Только одно «но», Коля. Тебя взгреть могут, со всеми вытекающими последствиями, что на карьере отразится, а мне уже бояться нечего. Как думаешь, кого на мое место поставят?

— Как кого? Это все знают. Дуркачева. Он же, рыжий гад, под вас копает давно и целей своих даже не скрывает.

— Потому что дурак, вот и не скрывает. Только Истонин не из этой категории и никогда не поставит начальником отдела человека, который придумать нормальной оперативной стратегии не может... Дуркачев, скорее, в кадровое или юридическое управление скоро уйдет. Вот снимет меня с должности...

— Ага, — кивнул Бетин. — Значит, вы тоже согласны, что именно он снимет?

— Точнее, его руками. Как Яго руками мавра Дездемону задушил, так и у нас всё произойдет. Я стал чуждым элементом для Конторы, Коля, и, что интересно, с таким выводом сам согласен.

— Как так? 25 лет выслуги — и чуждый?

— А чему ты удивляешься? Закостенел, скрипеть стал, прошлое хвалить и над настоящим потешаться. Человек вчерашнего дня. — Лев Андреевич прикрыл глаза. — Когда-то в этих стенах решалась судьба страны, судьба Европы, мировая политика, а теперь — проблемы бизнесменов и чиновников, их личные интересы. Когда я пришел в Управление молодым лейтенантом, у нас была вера в «чекизм». Вера хотя бы в то, что мы опричники, люди, которые должны быть идеалом. Неподкупные, быстрые, решительные, призванные чистить ряды от скверны, ставящие службу и интересы государства выше себя, се-

мы, выше всего. — Он с грустью посмотрел на бронзовый бюст Дзержинского, стоявший на подоконнике, вздохнул и продолжил: — А когда пьяная, орущая и все ненавидящая толпа, чьи отцы ставили памятник Дзержинскому, пришла на площадь, чтобы свергнуть Феликса Эдмундовича, я понял, что как раньше — больше не будет. Великая страна, великая империя рухнула. Вера в дешевую водку и манну небесную победила веру в «чекизм». «Чекизм» — это была моя вера, вера в равенство закона и возмездия для всех классов и сословий... Ты смейся, Коля, смейся, я прекрасно понимаю, что для вашего поколения такие рассуждения смешны.

Бетин и вправду воспринимал слова полковника Трофимова как сто раз уже слышанное ворчание стариков на новые порядки, но при этом чувствовал, что у Льва Андреевича запасен такой козырь, который заставит взглянуть по-новому на старую картинку. В этом был весь Трофимов, любитель парадоксов и неординарных поступков.

Но на сей раз разговор продолжился в том же ключе. Только в голосе говорившего был уже не металл, а усталость.

— Вера была, да... И надежда, что чертовщина быстро заканчивается и после нее приходит нечто чистое и ясное. Но произошло следующее. Мой наставник, полковник Жилин... Ты, наверное, и не слышал о нём, у нас память о не-

угодных системе людей и событиях стирать умеют... Так вот, Жилин заперся в кабинете и пустил себе пулю в голову. В тот самый момент, когда голова Феликса слетела с плеч памятника. Жилин был не первым и не последним, кто поступил так, согласно своим понятиям о долге и чести. А тех, кто не ушел вслед за Феликсом, оставили служить. Как специалистов. Оставили и меня... Я по врожденной глупости своей и по молодости тогда искренне верил, что можно еще что-то исправить, что великая наша держава не в первый раз в дерьмо вляпывается, но ведь потом очищается, краше и сильнее становится, надо лишь помочь ей в этом. Лидер-то пришел умный, молодой, умеющий говорить... Но очень быстро стало понятно, что ошиблись в лидере, но тут Бориска его заменил, вроде решительный, вроде, как всякий толковый русский мужик, выпить умеющий, кулаком по столу стучнуть... Опять обожглись... И выходит, Коля, что и Контора моя, и я лично ничего собой не представляем, тупые мы с ней.

— А вы при чем, если нам с лидерами не повезло?.. — удивленно вскинул брови Бетин.

— А при том. Нам надлежало не верить и надеяться, а четко знать, кто предаст, кто сопьется, кто на что способен. Понимаешь? Не в толпе идти, а путь вперед просчитывать. Но кто-то другой это сделал, и загорелась в России вера в светлый образ доллара, со всеми вытекающи-

ми из этого последствиями, подкрепленными новой логикой. Понимаешь, о чем я?

— Не совсем, — пожал плечами Бетин. — Ни новой, ни старой логики ведь не бывает, Лев Андреевич. Логика есть логика, это закономерность мышления, выстроенного на неоспоримых фактах...

— Да кто же с этим спорит! Но вот тебе факты. Александр III лысый был — Николай II с чубом. Ленин лысый — Сталин с чубом, Хрущев лысый — Брежнев с чубом, Андропов лысый — Черненко с чубом... Всё это неоспоримо и вроде бы закономерно, до сегодняшнего дня так и идет, правильно? Горбачев — Ельцин — Путин — Медведев — Путин. Логика прослеживается? И если следовать ей, на смену Путину теперь придет некто волосатый. Это — главный вывод для определения лидера нашей великой страны. Или ты тут с чем-то не согласен? Против фактов переть будешь?

— Нет, но это как-то...

— Как-то, — уже сурово сказал Лев Андреевич. — Увы, мы с этим «как-то» и живем, и работаем. Кто не согласен, кто кроме прически еще в самую башку заглянуть хочет, в мозгах покопаться — тот чуждый элемент. Я — чуждый. Но Конторе еще нужный, понимаешь? У нее много конкретных задач, каких наши «дуркачевы» решить просто не в состоянии. Так что меня

пока не выгоняют только из-за этого. Но я уйду сам. И уйду так, что отдел примешь ты.

Бетин от неожиданности даже привстал со стула:

— Шутите, да? Я — майор, кто ж меня на полковничью должность...

— Ну да, ну да. Логика нарушается. После волосатого должен быть обязательно лысый. Отделом должен командовать обязательно полковник, пусть даже он подлец и не чист на руку. Но я тебе, Коля, еще раз повторю — Истонин не дурак, на нем много таких заданий, за которые с него спросят по полной программе, и ему для этого нужен человек со светлой башкой, что нынче в дефиците, поэтому к моему предложению и моему мнению относительно тебя он прислушается. И сейчас я тебя зачем позвал, а? Чтобы как раз и начать решать эту задачку. Так что без лишних разговоров иди в кадры, возьми там своё личное дело, они в курсе, я уже с ними поговорил, и возвращайся. Я в коридоре ждать буду, нам в кабинете больше делать нечего.

Бетин действительно нигде не задержался, в отделе кадров папку ему выдали сразу, и через пару минут он уже возвращался обратно, но вдруг чуть не натолкнулся на широкую спину генерала Истонина. Тот шел по коридору в сторону кабинета Трофимова, а Лев Андреевич как раз печатывал его.